

Сараева Елена Леонидовна

Ярославский государственный педагогический университет

Цой Игорь Александрович

Ярославский государственный педагогический университет

**ОЦЕНКА П.А. КРОПОТКИНЫМ УЧАСТИЯ ПРОСВЕЩЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ПОДГОТОВКЕ РЕФОРМ В НАЧАЛЕ 1860-Х ГГ.**

В статье дана интерпретация взглядов П.А. Кропоткина на реформаторский процесс в России конца 50-х – начала 60-х годов XIX в. и его идей о роли губернской администрации Восточной Сибири в подготовке преобразований. Новизна исследования заключается в анализе суждений Кропоткина о восприятии и реализации реформаторских замыслов министерств губернской администрацией, которая была важнейшим звеном в механизме трансформации общества. Кропоткин был активным участником этой подготовительной работы в Читинской губернии и знал всех задействованных в ней лиц, поэтому его свидетельства и суждения представляют интерес для исторической науки. В историографии недостаточно изучена проблема восприятия самими участниками преобразований в провинции хода практической реализации задуманных центральной властью реформ, в частности в Восточной Сибири. В статье дан анализ образа мыслей П.А. Кропоткина в 1857–1863 гг., воспроизведены характеристики, данные Кропоткиным губернаторам Восточной Сибири, его суждения об их участии в подготовке проектов преобразований в этом крае, проанализированы формы взаимодействия губернской администрации с местной общественностью, интерпретированы взгляды Кропоткина на причины поворота власти к реакции в начале 1860-х гг. и на результаты преобразований.

Ключевые слова: П.А. Кропоткин, А.А. Кропоткин, граф Н.Н. Муравьев-Амурский, Б.К. Кукель, М.С. Корсаков, Александр II, «великие реформы», Забайкальская область, губернская администрация, просвещенные чиновники начала 1860-х гг.

Информация об авторах: Сараева Елена Леонидовна, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6140-7806>, доктор исторических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия.

E-mail: els5656@yandex.ru

Цой Игорь Александрович, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6424-8537>, соискатель ученой степени кандидата исторических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия.

E-mail: olya.tsoy.72@mail.ru**Дата поступления статьи:** 05.07.2020.

Для цитирования: Сараева Е.Л., Цой И.А. Оценка П.А. Кропоткиным участия просвещенных деятелей Восточной Сибири в подготовке реформ в начале 1860-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 40-50. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-40-50>.

Yelena L. Sarayeva

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

Igor' A. Tsoy

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

**PETER KROPOTKIN, THE PARTICIPATION OF ENLIGHTENED LEADERS OF EASTERN
SIBERIA IN THE PREPARATION OF REFORMS IN THE EARLY 1860S**

The article gives an interpretation of the views of Peter Kropotkin on the reform process in Russia in the late 1850s and the early 1860s and his ideas about the role of the provincial administration of Eastern Siberia in the preparation of the reforms. The novelty of the research lies in the analysis of Peter Kropotkin's judgements about the perception and implementation of the reformist plans of ministries by the provincial administration, which was the most important link in the mechanism of the transformation of society. Peter Kropotkin was an active participant in this preparatory work in Chita Province and knew all the persons involved in it, therefore his testimonies and judgements are of interest for historical science. Historiography has not sufficiently studied the problem of perception by the participants of the transformations in the provinces of the course of practical implementation of the reforms conceived by the central government, in particular in Eastern Siberia. The article analyses the way of thinking of Peter Kropotkin in 1857-1863, reproduces the characteristics given by Peter Kropotkin to the governors of Eastern Siberia, his judgements about their participation in the preparation of projects of transformations in this region, we also analyse the forms of interaction of the provincial administration with the local community, interpreted Peter Kropotkin's views on the reasons for the turn of power to reaction in the early 1860s and on the results of the transformations.

Keywords: Peter Kropotkin, Aleksandr Kropotkin, Count Nikolay Muravyov-Amursky, Boleslav Kukel, Mikhail Korsakov, Alexander II of Russia, government reforms of Alexander II, Trans-Baikal Region, provincial administration, enlightened officials of early 1860s.

Information about the authors: Yelena L. Sarayeva, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6140-7806>, Doctor of Historical Sciences, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia.

E-mail: els5656@yandex.ru

Igor' A. Tsoy, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6424-8537>, Candidate of Science Degree Applicant, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia.

E-mail: olya.tsoy.72@mail.ru

Article received: July 5, 2020.

For citation: Sarayeva Ye.L., Tsoy I.A. Peter Kropotkin, the participation of enlightened leaders of Eastern Siberia in the preparation of reforms in the early 1860s. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 40-50 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-40-50>.

Преобразование России в годы «великих реформ» в значительной степени зависело от деятельности представителей местной администрации и общественности, от взаимодействия центра и чиновников в провинции. Реформы способствовали формированию нового поколения просвещенных людей, активно включившихся в общественную жизнь. В 60-е годы XIX в. в речевую культуру русского общества вошли термины «новые люди», «шестидесятники», определявшие группу общественно активной молодежи, отвергнувшей социальные нормы эпохи крепостничества, заинтересованной в расширении свободы жизнедеятельности личности и активно проповедующей свои «возвышенные идеи» [Кропоткин: 146]. Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921) назвал представителей этой молодежи «новыми честными людьми» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 50]. Он сам был одним из лучших представителей «новых людей». В 1857–1862 гг. он получил образование в Пажеском корпусе и уехал в Сибирь, «чтобы проводить намеченные реформы» [Кропоткин: 182]. Кропоткин в письмах, а впоследствии и в воспоминаниях, написанных на основе его же текстов 60-х годов, дал свою интерпретацию роли центральной и местной администраций в инициировании, проведении и свертывании реформ. Научная актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения представлений Кропоткина о роли просвещенных людей в Восточной Сибири в подготовке и практической реализации преобразований начала 1860-х гг.

В исторической литературе преимущественно изучались философско-исторические, экономические, этические, анархистские идеи Кропоткина, сформулированные в последние десятилетия XIX – начале XX в. Анализ этой группы научных работ не является предметом данного исследования. Формирование личности Кропоткина и его участие в подготовке проектов реформ в начале 1860-х гг. рассматривается в работах биографического характера. Одним из наиболее серьезных исследований, выполненных в этом жанре в советский период, является монография Н.М. Пирумовой. Характеризуя мировоззрение Кропоткина в начале 1860-х гг., она отмечала, что он в те годы верил в реформы [Пирумова]. Аналогичное мнение о мировоззренческих установках Кропоткина того времени высказала в своей работе В.А. Твардовская: Кропоткин в на-

чале 60-х годов верил, что страну можно преобразовать путем реформ. Она писала, что Кропоткин уехал служить в Сибирь, потому что стремился к независимости от отца, хотел участвовать в подготовке реформ [Твардовская: 34]. Твардовская дала высокую оценку составленным Кропоткиным проектам реформы тюрем и городского самоуправления в Восточной Сибири. Она утверждала, что эти проекты не встретили сопротивления властей. В работе не акцентировано внимание на проблеме отношения администрации Восточной Сибири к преобразовательным проектам.

В современной литературе наиболее основательно деятельность Кропоткина в Восточной Сибири охарактеризовал В.А. Маркин [Маркин 2009]. Службу Кропоткина в Сибири с 1862 г. он объяснял стремлением юноши не прожигать свою жизнь в увеселениях, а найти вдалеке от столицы, куда еще не докатилась волна реакции, «бесконечное поле для реформ». Юный Кропоткин верил в прогресс, рассматривал крестьянскую реформу как «первое звено целой цепи реформ, которые привели бы российское общество к подлинному обновлению, демократизации, включению в число цивилизованных стран Европы», утверждал Маркин, характеризуя образ мыслей Кропоткина того времени [Маркин 2009: 6]. Маркин считал, что Кропоткин покидал Петербург, еще будучи монархистом, но он уже терял «иллюзии насчет реформаторской деятельности императора» [Маркин 2009: 6].

В работе С.Ф. Ударцева анализируется формирование политико-правовых взглядов Кропоткина, в том числе в 1860-е гг., отмечается критическое отношение его к самодержавию [Ударцев]. О.С. Сафронов, изучавший генезис и развитие общественно-политических идей Кропоткина, интерпретировал его воззрение в 1857–1862 гг. как просветительское, а в 1862–1872 гг. – демократическое [Сафронов 2015: 29–30]. Исследователь не сомневался в том, что Кропоткин в 1860-е гг. мечтал включиться в преобразовательную деятельность. Изучая исторические взгляды Кропоткина, он пришел к выводу, что «идеолог анархизма» видел главную причину отмены крепостного права в росте крестьянских выступлений и усвоении некоторыми помещиками либеральных идей [Сафронов 2012: 100]. По мысли Сафронова, Кропоткин оценивал крестьянскую реформу 1861 г. с анархистских позиций. С.В. Сайтанов утверждает, что

на формирование взглядов П.А. Кропоткина повлияло разочарование в государственной службе, которая могла быть полезна обществу [Сайтанов].

В.М. Артемов акцентировал внимание на стремлении Кропоткина в своей жизни руководствоваться высокими моральными принципами, истоками которых было понимание им важности взаимопомощи. Он отметил мысль Кропоткина о том, что личностный вклад в общественный прогресс не исчерпывается только идеями, а еще определяется нравственными принципами и поступками человека [Артемов] Т.А. Чикаева актуализировала мысль Кропоткина о том, что справедливость должна стать основой оценки поведения человека [Чикаева]. В.Ф. Пустарнаков пишет о раннем созревании политического свободомыслия Кропоткина – в начале 1860-х гг. Пустарнаков доказывает, что юный Кропоткин был противником самодержавия, его политическое мировоззрение сложилось под влиянием русского классического просвещения 40–60-х гг. XIX в. Историк считает, что Кропоткин уехал на Амур, так как стремился к путешествиям, к наслаждению природой [Пустарнаков]. В статье А.К. Прядкиной доказывается, что Кропоткин потерял веру во власть и закон [Прядкина].

Исследователи, воспроизводя вехи биографии П.А. Кропоткина, фиксируют факт его работы над проектами преобразований, однако они не раскрывают взглядов юноши на деятельность администрации Восточной Сибири по реализации реформ, по-разному они оценивают и политические взгляды Кропоткина в начале 1860-х гг., его ценностные ориентации. Новизна работы заключается в анализе идей Кропоткина об участии просвещенных представителей губернской администрации Восточной Сибири в разработке проектов реформ в этом крае.

Кропоткин участвовал в преобразовательной деятельности в Восточной Сибири в конце 1862–1863 гг. Он прибыл в Восточную Сибирь, имея навыки оценки типов личностной культуры, политики властных структур в контексте либеральных идей; он был конституционалистом по взглядам, но не отрицал монархии как формы правления. Анализ текстов Кропоткина позволяет утверждать, что в 1857–1863 гг. он критически относился к деспотизму, всевластию чиновников, бесправию личности и народа, невежеству людей. С конца 1850-х гг. чтение научной и художественной литературы стало его важнейшей интеллектуальной потребностью, что способствовало выработке его социально-политического мировоззрения. В его письмах к брату Александру 1857–1862 гг. звучат имена авторов прочитанных им «с большим интересом» сочинений: И. Канта, Ф. Вольтера, А.И. Герцена, И.С. Тургенева, Т.Н. Грановского, А.И. Полежаева, В.Г. Белинского, Ф. Минье, В. Гюго, О. Тьерри, А.С. Пушкина, Н. Бергассе, И.Ф. Гете, Т.Б. Маколяя, В.В. Пассека, А. Ламар-

тина, А.К. Толстого, К.Ф. Рыльева, А.В. Кольцова, П.Н. Кудрявцева, Ф.Р. Шатобриана, П.С. Лапласа, Н.А. Некрасова. Кропоткин писал, что познакомился и с работами «многих других» авторов. Он учился оценивать исторические события и проявлял живейший интерес к «действительности» – социально-политическим и экономическим отношениям. Его старший брат Александр в 1858 г. назвал мировоззрение Петра реалистичным, далеким от идеализма [Петр и Александр Кропоткины 1933: 83]. 28 марта 1858 г. Петр Кропоткин, надеясь на проведение реформ Александром II, сожалел, что власть намеревалась только отменить крепостное право, а надо было одновременно ограничивать самодержавие: «Я с жадностью слежу за всеми нововведениями, я жду многого от царствования Александра II, но много, много нужно устранить и потом приниматься за дело. Старая система разрушается, новая не создана; ввели эмансипацию, но теперь самодержавие невозможно, оно должно измениться...» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 80]. В следующем письме он сообщал брату, что «очень интересовался» политикой правительства, что считал, что в десять раз важнее «постепенно вести дела к уничтожению самодержавия» «тихим путем», что царю надо «самому ограничить свою власть» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 88]. «А тут не нужно вовсе отрекаться от власти, а только ограничить ее, нужно только – породить в себе сознание, что он не умнее всех, т. е. общего – народного голоса, что лучше поделиться с чиновником... Вот что, я думаю, важнее» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 88]. В пятнадцать лет Петр Кропоткин предпочитал путь реформ, понимая, что он возможен только в случае осознания императором необходимости новаций во многих сферах жизни, прежде всего политической, от которой зависела трансформация других систем в стране. Исторический процесс ему представлялся альтернативным, зависящим от разных обстоятельств, в том числе от воли правителя. В 1858 г., еще питая надежды на преобразования, он сожалел, что реформаторский процесс при Александре II будет ограниченным, что вряд ли император решится на передачу части своей власти кому-либо. Мировоззрение Петра Кропоткина уже в те годы имело системный характер: он понимал, что отдельные, даже очень важные инновации не трансформируют систему, имевшую прочные корни в действительности.

Кропоткин понимал, что он живет в эпоху преобразований. Странников реформ, как он свидетельствовал, в те годы воспринимали как либералов. Кропоткин считал, что не только крестьянские волнения, но и ненависть Александра II и его окружения к крепостничеству, формирование нового поколения, с «отвращением» воспринимавшего крепостную зависимость крестьян от помещиков, стали причинами подготовки крестьянской рефор-

мы [Кропоткин: 152]. Лучшая петербургская публика с восторгом встретила известие об освобождении крестьян [Петр и Александр Кропоткины 1933: 214]. Император в своей речи перед офицерами назвал крестьянскую реформу «концом вековой несправедливости» [Кропоткин: 156]. Кропоткин видел в Александре II «царя-освободителя». Но партия «аристократов» в большей мере была ориентирована на личные интересы. «...Из-за личных интересов партий позволяют себе вредить такому делу, аристократия здешняя трусит», – сообщал Петр Кропоткин своему брату [Петр и Александр Кропоткины 1933: 211]. Он писал, что в его окружении «постоянно» говорили «о злоупотреблениях чиновников». Он видел решение этой проблемы в наведении правопорядка: «Я упоминал о злоупотреблениях чиновников, о которых слышал постоянно, и доказывал необходимость правового порядка» [Кропоткин: 151]. Кропоткин характеризовал свой образ мыслей конца 1850-х – начала 1860-х гг. как конституционный, его идеалом была свобода личности: «В том возрасте я мог быть, конечно, только конституционалистом... <...> Я стоял... далеко в стороне от радикального движения...» [Кропоткин: 150, 151]. Кропоткин говорил друзьям в Пажеском корпусе, что необходимо «объединиться всем во имя свободы...» [Кропоткин: 152]. Конец 1850-х – начало 1860-х гг. Кропоткин назвал временем «тревог и сомнений» [Кропоткин: 153]. Либерально мыслящие люди опасались, что император откажется от проведения реформ.

Первые проявления реакции в Петербурге Кропоткин увидел летом 1862 г. в аресте Н.Г. Чернышевского, в изменении риторики ряда журналистов, сбросивших «либеральный мундир», ополчившихся даже «против умеренных». «Толковать о реформах стало неприлично. Атмосфера была насыщена духом реакции. “Современник” и “Русское слово” были приостановлены. Все виды воскресных школ запретили. Начались массовые аресты» [Кропоткин: 180–181]. Кропоткин окончательно понял, что «реакция – полным ходом» после того, как Александр II злым голосом потребовал от выпускников Пажеского корпуса не изменять присяги «царю, престолу и отечеству», а на другой день по его приказу расстреляли трех офицеров [Кропоткин: 180–181]. Кропоткин полагал, что Александр II, «на время» уступая либеральному течению, освободил крестьян, а потом снова вернулся к политике защиты прежних устоев [Кропоткин: 194]. По мнению Кропоткина, летом 1862 г. в Петербурге торжествовала реакция. Менялось его отношение к Александру II, так как он понимал, что смена внутривластного курса зависела от императора. Кропоткин был возмущен равнодушным отношением государя к крестьянину, униженно просившему царя взять его прощение [Кропоткин: 166–167]. Кропоткин писал, почему он задумался над вопросом о начале реакции: «Ряд мелких

случаев» и репрессии стали «поселять сомнения в моем сердце» [Кропоткин: 166].

Кропоткин характеризовал интеллектуальное развитие общества конца 1850-х – начала 1860-х гг. как «умственное пробуждение» [Кропоткин: 150]. Он понимал, что формировалось новое поколение «мыслящих людей». Но он с горечью писал, что интеллектуально развитых молодых людей немного. Так, в Пажеском корпусе он один интересовался научной литературой, остальные воспитанники в лучшем случае читали художественные книги [Кропоткин: 144; Петр и Александр Кропоткины 1933: 86].

Часто обсуждаемая Петром Кропоткиным проблема в письмах к брату в 1857–1861 гг., – тема «умственного и нравственного развития», получения «общечеловеческого образования», определения сферы и цели деятельности [Кропоткин: 149; Петр и Александр Кропоткины 1933: 181]. Определяясь с выбором, он стремился понять свои запросы и жизненные обстоятельства. Он надеялся «достигнуть вольного гражданства» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 181], стать высокообразованным человеком. Он считал, что ему нужно иметь твердые нравственные убеждения: быть честным, гордым, не льстить. «Льстить я не буду из гордости... мне неприятно будет унижаться, я и не унижусь. Таково мое убеждение» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 181, 186].

Кропоткин сформулировал цель своей деятельности в будущем – стать «полезным членом обществу», а для этого он «должен быть специалистом по какой-нибудь части», «по мере сил стараться удовлетворить потребностям общества, хоть бы, напр., полезно трудиться на каком-нибудь поприще»; требуется «честное исполнение своих обязанностей, т. е. сообразоваться с требованиями большинства» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 187]. Он считал возможной такую деятельность, которая преследовала бы не эгоистическую цель удовлетворения только собственных потребностей, но была полезна обществу. Кропоткину приходилось думать о том, чтобы «иметь обеспеченный кусок хлеба», следовало зарабатывать деньги, но и все же ему «хотелось бы быть сколько-нибудь полезным» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 192].

После окончания Пажеского корпуса летом 1862 г. Кропоткина, как одного из лучших его учеников, ждала служба в императорском дворце. Однако он не желал войти в безликую череду пажей и императорских адъютантов, от которых требовалось лишь следование церемониалу и соблюдение строгого этикета. Он стремился к нравственной и финансовой независимости от деспотичного отца, обязывавшего его сделать придворную карьеру и грозившего не давать денежного пособия. Петр Кропоткин хотел принести благо отечеству, заниматься научными исследованиями, участвовать в проведении преобразований. Он мечтал учиться

в Петербургском университете, но он должен был заботиться о своем материальном обеспечении, поэтому в 1862 г. отказался от мечты поступить в это учебное заведение. Отец требовал от младшего сына нести военную службу: либо пажескую, либо полковую, либо сначала получить образование в артиллерийской академии. Но эти обстоятельства военной карьеры Кропоткин называл «стесняющими» его интеллектуальный и нравственный выбор: надо просить пособие у отца, поддерживать связи с нужными людьми, носить «стесняющий гвардейский мундир», наконец, неподходящий сырой климат в Петербурге [Петр и Александр Кропоткины 1933: 254]. Кропоткин понимал, что общество в военной академии не удовлетворит его умственным запросам: «...я познакомился поближе с академическим обществом, познакомился и разочаровался, – меня пугает, что и сам я могу сделаться таким» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 268]. Кропоткина, по его признанию, удерживала в Петербурге и Москве возможность доставать книги, беседовать с мыслящими людьми, посещать театр и встречаться с братом: нужны «книги, сообщения с порядочными, т. е. сколько-нибудь мыслящими людьми» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 254, 268]. Он писал брату Александру 18 февраля 1862 г.: «...мы с тобой трактуем, что негодны мы ни к какой деятельности, но ведь я этого еще не испытал, годен ли я или нет: мне кажется, что я на что-нибудь да гожусь. А деятельность на Амуре найдешь... <...> Прибавь к этому разнообразие, самостоятельность...» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 254–255]. Кропоткин искал должность, дававшую относительную независимость на службе [Петр и Александр Кропоткины 1933: 255]. Он писал брату, что выбор делают «на основании нравственного убеждения» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 255]. Осознанно решив уехать в Восточную Сибирь, он предварительно собрал все необходимые сведения об этом крае. Он объяснял брату Александру в письме, что его привлекает в далекой Сибири: «...на Амуре тепло, потом я люблю поездки, переезды, путешествия, если хочешь. Мне доставляет большое удовольствие видеть новые места» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 254]. Важная «мелочь» для Кропоткина – желание насладиться природой в Восточной Сибири, он писал, что мечтает «о наслаждении природою» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 263].

Александр Кропоткин отговаривал брата уезжать на Амур, поскольку неизвестно, сможет ли он заняться той деятельностью, которую ищет [Петр и Александр Кропоткины 1933: 260]. Отвечая ему, Петр Кропоткин так характеризовал свои потребности, которым не удовлетворяла придворная служба и учеба в военной академии: «...мне желательно, чтоб мне не мешали заниматься тем, чем мне вздумается заниматься, т. е. читать, писать, думать, а для этого нужно свободное время, и нуж-

но, чтоб обстоятельства, обстановка не мешали...» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 262]. Нежелательными для себя Петр Кропоткин определил плохой климат, скучные занятия, неинтересную работу, общение с безнравственными людьми: «...а не желательно быть больным по несколько раз в зиму (от сидячей жизни и дурного климата), не желательно хандрить, скучать, прозябать, таскаться в Академию, уставать от ходьбы и от слушанья разной нелепости, ...и не желательно бедствовать... Не желательно сталкиваться и жить постоянно с разными скотами, которым я не сочувствую» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 262]. «На Амуре: шестимесячная дорога, новизна, некоторая независимость, избавление от неудобств Академии, надежда поселиться в хорошем климате и уверенность в том, что увижу много интересного. Этого довольно, довольно одного избавления от неудобств» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 268]. Кропоткин узнал имена губернаторов в Восточной Сибири: «Корсаков, губернатор В. Сибири, молодой еще человек и, говорят все, хороший. Хвалят также Казакевича, губернатора Амурской области, и Буссе, губернатора Примор. обл.» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 269]. Как видно, Кропоткин основательно готовился к переезду на Амур: узнал о природе, климате, губернаторах, жалованье, дорогах, возможности самостоятельной деятельности.

В сентябре 1862 г. Кропоткин прибыл в Иркутск. Он прожил в Восточной Сибири пять лет. Генерал-губернатору М.С. Корсакову он объяснил, что желает «быть полезным, найти деятельность, невозможность найти такую в гвардии, невозможность выполнить свое намерение быть в университете» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 44]. Генералы М.С. Корсаков и Б.К. Кукель быстро оценили высокую образованность Кропоткина, его не отправили в отдаленные военные крепости. В Чите в чине есаула Кропоткин стал чиновником особых поручений при и. о. губернатора Забайкальской области генерал-майоре Болеславе Казимировиче Кукеле.

Кропоткин стремился «к живой, настоящей работе» [Кропоткин: 149]. Он ценил честных, порядочных людей, участвовавших в общественной деятельности, а брату Александру он писал: ты благородными мыслями «дело делаешь» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 50]. Побудительным мотивом деятельности Кропоткина была любовь к человеку и добру [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 50]. Он полагал, что человек должен рефлексировать, «оглядываться на себя», стремиться стать лучше, трудиться в интересах общества. «Умные и честные порывы» уже являются деятельностью, считал Кропоткин. Девятнадцатилетний юноша в 1862 г. разделял идеи независимости личности, расширения прав общества, он верил, что реформы позволят воплотить высокие

социальные идеалы. Он участвовал в подготовке преобразований в Забайкальском крае. Познакомившись с высшими административными лицами в этой крае, он дал оценку их образу мыслей, деловых качеств, отношения к работе и распоряжениям из Петербурга.

Кропоткин считал, что история Читы того времени была типичной для провинциальной России, поскольку судьбу провинции определяли центральные властные структуры: «...история маленькой Читы была историей всей России...» [Кропоткин: 194]. Он полагал, что можно проследить те же тенденции в деятельности любой губернской администрации, что и Читинской. Кропоткин назвал корпорацию чиновников, включая губернаторов, «правительственной школой» [Кропоткин: 183], а просвещенных деятелей, заинтересованных в реализации задуманных проектов, «людьми действия» этой школы, подчеркивая, во-первых, их принадлежность к слою управленцев и подчинение центральным государственным институтам власти, а с другой – ориентацию на деятельность.

Кропоткин связывал преобразования с инициативами просвещенных чиновников. Он отметил, что на рубеже 1850–60-х гг. в Восточной Сибири, как, возможно, и во многих губерниях, должности в губернском корпусе управленцев занимали лица, разделявшие либеральные идеи. Политика правящей элиты времени «оттепели», второй половины 1850-х гг., была обусловлена вхождением во властные структуры просвещенных людей. Но этот процесс, писал Кропоткин, не был устойчивым, с восстановлением власти консерваторов в центре и на местах возрождались управленческие традиции предшествующей эпохи.

С 1849 г. администрацию Восточной Сибири возглавлял генерал-губернатор граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский (1809–1881), публично развивавший либеральные идеи, но он «в глубине души» был деспотом, писал Кропоткин [Кропоткин: 183]. По его мнению, Муравьев был неоднозначной фигурой, сочетавший черты консервативного и либерального чиновничества: восприняв новые идеи, он тяготел к традиционному стилю управления. Лучшим его достижением, с точки зрения Кропоткина, было смещение «почти всех старых чиновников», отличавшихся безнаказанным грабежом населения Сибири. «Ему удалось отделаться почти от всех старых чиновников, смотревших на Сибирь, как на край, где можно грабить безнаказанно», – писал Кропоткин, видимо, воспроизводя мнения офицеров, рассказывавших ему об уволенных чиновниках [Кропоткин: 183–184]. Исследования историков подтвердили, что до Муравьева «Сибирь страдала от произвола губернаторов долгие годы, начиная с князя Гагарина, казненно-го за “злоупотребление властью” и казнокрадство, и кончая предшественником М. М. Сперанского генералом И.П. Пестелем...» [Маркин 2002].

Благодаря Муравьеву-Амурскому в 1862 г. «высшая сибирская администрация была гораздо более просвещенной и, в общем, гораздо лучше, чем администрация любой губернии в Европейской России» [Кропоткин: 183]. Кропоткин характеризовал Муравьева как «замечательного человека», поскольку он был умен, обаятелен, деятельный, имел «желание работать на пользу края» [Кропоткин: 183]. Муравьев создавал свою команду из молодых честных офицеров, разделявших либеральные убеждения, имевших «благие намерения», «как и он сам». «Муравьевцев», как называли лучших офицеров, служивших при нем, можно назвать просвещенными деятелями, понимавшими, что нужны преобразования в интересах общества. В 1861 г. Муравьева вызвали в Петербург после побега М.А. Бакунина из сибирской ссылки.

Муравьева сменил Михаил Семенович Корсаков (1826–1871), который занимал должность генерал-губернатора Восточной Сибири до сентября 1870 г. Корсаков был «очень рад видеть возле себя людей либерального образа мыслей» [Кропоткин: 184]. Как и его предшественник, Корсаков окружил себя молодыми образованными офицерами. Его отличал приветливый тон общения с подчиненными. Корсаков «прекрасно» принял Кропоткина, дал лестную характеристику Кукелю, начальнику Петра Алексеевича: «превосходнейший человек [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 44]. Кропоткин утверждал, что все преобразования в крае контролировал Корсаков, а реально работу организовывал Кукель: «Все преобразования в Восточной Сибири, все идут через Корсакова и в широких размерах, напр. по вопросу об уничтожении казачества в Забайкалье для уравнивания его в правах с остальными, дарования им самоуправления – все работает Кукель» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 49].

Болеслав Казимирович Кукель (1829–1869), молодой высокообразованный генерал, был начальником штаба Восточной Сибири с 1859 г. Он служил в Восточной Сибири с 1851 г., был одним из офицеров-«муравьевцев», учившийся решать задачи военной защиты и обустройства русских земель у Муравьева. Кропоткин был очарован Кукелем, простым, человеческим, с разносторонними знаниями, энергичным, артистичным, ответственно относившимся к службе, противником деспотизма и всех проявлений насилия [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 44; Дневник П.А. Кропоткина: 45]. Кропоткину был симпатичен Кукель и потому, что тот проводил в жизнь свой девиз всегда и везде бороться с насилием: «Он его проводит в жизнь, да еще с какой юношеской энергией» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 49].

При Муравьеве и Корсакове с политическими ссыльными обращались «со всевозможной мягкостью» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 186], смягчили режим содержания, жестко не ограничивали свободу передвижения и проживания,

уважали их достоинство, разрешали общаться с местными жителями, читать книги и журналы. По наблюдениям Кропоткина, взаимоотношения людей в Сибири были менее церемонными, более простыми, «выражения» более вольными. В Чите с благодарностью вспоминали о декабристах, которые своими поселениями фактически и создали город. Везде в Чите с «огромным участием» относились к политическим ссыльным [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 65]. В них видели не преступников, а умных, порядочных людей, по возможности помогали им.

Кукель с радостью принял на службу Кропоткина, молодого офицера из столицы, с хорошим образованием, ввел в свой дом. Он предложил Кропоткину должность адъютанта [Кропоткин: 184]. «Чем дальше, тем больше схожусь я с Кукелем и убеждаюсь, что он пресимпатичная личность...», – писал Кропоткин брату о том, что с большим желанием он работал под началом Кукеля [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 49]. Кукель разрешил Кропоткину пользоваться собранной им библиотекой, в которой были все лондонские издания А.И. Герцена: «У Кукеля получают всевозможные журналы, в том числе и «Колокол» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 49]. Работы Герцена выдавали при Кукеле, это означало, что он не боялся прослыть его почитателем [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 49]. Наличие в домашней библиотеке запрещенных работ Герцена и свободное их чтение всеми желающими – знаковая черта культуры просвещенных людей в Восточной Сибири эпохи Александровской «оттепели». В дневнике Кропоткин записал, что сибиряки ему открыто говорили, что читают «Колокол», у многих есть целые подшивки герценовской газеты. В европейской России люди не могли так откровенно говорить о чтении изданий Герцена, писал Кропоткин. В те годы Кукеля не преследовали за чтение работ Герцена, но ему не простили этого в период реакции, как и переписку с М.А. Бакуниним. Кукель выписывал лучшие русские журналы, знакомившие общество с новинками литературы. В городской библиотеке Иркутска Кропоткин насчитал 50 названий журналов и газет на русском, французском, польском и немецком языках [Дневник П.А. Кропоткина: 44]. Во всех городах Сибири, отмечал Кропоткин, были библиотеки: «Везде почти есть библиотеки: в Иркутске, в Чите, в Кяхте...» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 49]. Образованные жители пользовались не только городскими библиотеками, но имели и домашние собрания книг, по традиции того времени доступные многим желающим их прочитать бесплатно или за небольшую сумму.

Благодаря периодическим изданиям, имевшим разделы художественной литературы и публицистики, начитанность образованных людей даже в далекой провинции была высокой. Они знали

имена популярных писателей и созданные ими литературные образы, обсуждаемые обществом проблемы. Книжная литература и журнальные издания создавали культурное пространство в России, идейно объединявшее многих читателей, позволявшее формировать схожий образ мыслей. В Восточной Сибири немало образованных молодых людей были сторонниками либеральных преобразований. Общие убеждения сближали, становились основой крепкой дружбы. Образованные деятельные читинцы участвовали в разработке проекта городского самоуправления.

В 1862 г. Кукель временно занимал пост военного губернатора Забайкальской области, центром которой была Чита. Кропоткин писал, что Кукель выполнял распоряжения центральной власти. Из министерства пришло разрешение создать комитеты по разработке планов преобразований, предложено руководствоваться идеями, прописанными в царских манифестах: «Из петербургских министерств присланы были местным властям предложения выработать планы полного преобразования администрации, полиции, судов, тюрем, системы ссылки, городского самоуправления» [Кропоткин: 184]. В министерских распоряжениях были определены и либеральные основы планов. Такое широкое поле деятельности местных властей приветствовалось в Восточной Сибири Корсаковым, Кукелем, Кропоткиным и другими офицерами.

Министерство внутренних дел до 1861 г. издавало свой ведомственный журнал, а с 1862 г. – газету «Северная почта», чтобы быстрее доводить до местной администрации свои инициативы. В «Журнале Министерства внутренних дел» была официальная часть, где публиковались «министерские распоряжения», например, по делам общественного призрения, по общественному хозяйству городов, по делам арестантов, кормовым деньгам арестантам, списки населенных мест и другие [Журнал Министерства внутренних дел]. В неофициальной части публиковались исследования, например, по преобразованию «общественного здоровья». В губернских и уездных городах было предложено создать комитеты, которые будут заботиться о пресечении эпидемий, общественном благе [Журнал Министерства внутренних дел]. Журнал знакомил с европейским опытом решения общественных проблем. В сибирских городах, в том числе Чите, получали министерские журналы, Кропоткин писал, что он внимательно их изучал, работая над проектами. С его точки зрения, тексты в журналах позволяли понять цели и содержание преобразований на местах.

Считаем, что издания министерств стали важной формой коммуникации центра и провинциальной администрации. Они были доступны для губернских чиновников всех районов России, транслировали идеи просвещенных министров, ученых, специалистов-практиков.

Кукель собрал команду сторонников реформ, понимавших, что нельзя терять время на их подготовку. Они «всецело» отдались работе по проведению преобразований. Группа энтузиастов, возглавляемая губернатором, ежедневно обсуждала реформы, продумывала последовательность действий. Читинские реформаторы руководствовались распоряжениями министерств, на основе которых выработывали проекты «полного преобразования» полиции, судов, тюрем, городского самоуправления [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 184].

Кукель искал умных, порядочных молодых офицеров. Он сказал Кропоткину: «...я вас к себе вербую, мне порядочные люди нужны» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 46]. Кропоткину тоже хотелось работать с Кукелем. Кропоткин надеялся, что в Сибири он сможет реализовать свои убеждения: «...начинается применение на практике моих убеждений. <...> Вот и деятельность, и я с радостью принимаюсь за нее» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 58]. Работы было достаточно много: «Везде по статской службе нужна работа, и сильная работа, толковых людей мало, и на одного человека взваливают то, что в России делают четверо» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 60]. «“А на недостаток материалов” для деятельности грех пожаловаться» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 70]. Кропоткин понимал, что прежде, чем что-то менять, надо изучить настоящее положение дел, например состояние тюрем «до мельчайших подробностей», далее определить «средства к улучшению», изучить опыт знатоков: «...требуются практические указания от разных лиц», следует знать законы: «...была бы охота работать, работа есть» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 70]; «...заваливает работа, для себя ничего не успеваешь делать» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 71]; «Теперь работаю, как могу, в комиссии... Приходилось работать, и в карете ездил на заседания» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 78]; «А есть в комиссии люди, ей-ей, очень неглупые. А придут в комиссию, либо не высказываются, либо такую чепуху проют» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 79]. По мнению Кропоткина, в комитетах работали разные люди: деятельные, воспринимавшие новые идеи, и традиционно настроенные, не понимавшие задач преобразований. По мысли Кропоткина, важно учитывать мотивы деятельности человека: «...важно не то, что сделал человек, а важно то, что думал он, делая это» [Петр и Александр Кропоткины 1933: 201]. Сам Кропоткин стремился содействовать проведению либеральных реформ в интересах общества. Он считал, что аналогичные цели преследовали генералы Корсаков и Кукель. Но некоторые чиновники, утверждал Кропоткин, смотрели на свою работу просто как на выполнение обязанностей.

В команду реформаторов, созданную Кукелем, вошли несколько офицеров, среди которых были

умный, практичный К.Н. Педашко, сторонник развития просвещения А.Л. Шиняевский и гражданские чиновники: «Все они работали усердно, весь день и часто ночи» [Кропоткин: 184]. Кропоткин был секретарем двух комитетов, которые разрабатывали проекты реформы тюрем и системы ссылки, городского самоуправления. Он неоднократно употреблял термины «комитет», «комиссии», не приводя их названия. Согласно министерским распоряжениям, губернская администрация могла сама инициировать создание комитетов по различным направлениям деятельности. Затем губернская администрация должна была отправить проекты в профильные министерства.

Судя по текстам Кропоткина, его отношение к преобразовательной деятельности было ответственным. Он взялся «за работу со всем энтузиазмом девятнадцатилетнего юноши и много читал об историческом развитии этих учреждений в России и о современном положении их в Западной Европе» [Кропоткин: 184–185]. Кропоткин и его единомышленники сначала обсуждали с «практическими людьми, хорошо знакомыми с местными условиями и с нуждами края, общие черты проекта, а затем мы выработывали его во всех подробностях, пункт за пунктом» [Кропоткин: 185]. Члены комитетов советовались с местными специалистами, а затем снова обсуждали с губернатором Кукелем и Педашенко. Наконец, комитеты дорабатывали все положения проектов и окончательные варианты передавали губернатору.

Кукель рискнул при разработке планов преобразований учесть мнение читинского общества, хотя министерства не давали распоряжения привлекать местных жителей к работе в комитетах. Он разрешил включить представителей общественности в комитет, разрабатывавший проект местного самоуправления. Кропоткин писал, что были проведены выборы: комитет состоял из «читинцев, выбранных всем населением города: в нем заседал даже один поселенец» [Кропоткин: 185]. Читинцы с энтузиазмом подошли к решению вопросов благоустройства своего города, писал Кропоткин. По его мнению, разработанный читинской общественностью проект был лучше Положения 1870 г. Он позволял быстро создать в городах современную инфраструктуру. Сибирские города имели бы совсем другой вид, полагал Кропоткин, если бы этот проект был реализован [Кропоткин: 193]. Однако в своих текстах он не раскрыл положения этого проекта. Проект предстояло одобрить не только губернатору, но и П.А. Валуеву, возглавлявшему министерство внутренних дел в 1861–1869 гг., имевшему репутацию консерватора, под руководством которого разрабатывался более умеренный проект городской реформы. Кропоткин уже позднее узнал, что проект не рассматривался в министерстве, скорее всего, он не дошел до Валуева.

Кукель и Кропоткин в те годы были единомышленниками: веровали, что реформы изменят жизнь народа, дадут ему возможность учиться, получать медицинскую помощь, защитят его права в судах, что преобразования расширят свободу человека. Оба были деятельными, убежденными, честными, принципиальными, способными к крепкой дружбе, ориентированными на благо народа.

Кропоткин запомнил слова Кукеля о времени подготовке реформ: «великая эпоха». Кукель дал совет Кропоткину: «...работайте, милый друг; помните, что вы секретарь всех существующих и будущих комитетов», и Кропоткин «работал с двойной энергией» [Кропоткин: 185]. Кукель, просвещенный деятель, сам был энергичным и деятельным и желал видеть в своем окружении преданных делу преобразований людей.

Как видно, губернская администрация Восточной Сибири в начале 1860-х годов содействовала практической реализации министерских идей о реформировании местных институтов. Преобразовательная деятельность, осуществляемая в сжатые сроки, регулировалась и контролировалась едва ли не ежедневно губернатором и его доверенными лицами. Заинтересованность в преобразованиях самого губернатора Кукеля стала важнейшим условием успешности первой стадии реформ: продуманы проекты преобразований, их алгоритм – последовательность действий, обязанности учреждений и лиц. Обращает на себя внимание и высокое доверие Кукеля молодому энергичному, ориентированному на общественно полезную деятельность Кропоткину, постоянное моральное стимулирование им решения поставленных задач.

По мысли Кропоткина, власть повернула к реакции в начале 1860-х годов сначала в центре, а затем и в провинции. «Гроза» «все смела пред собою вскоре после того, как в Польше разразилась революция». «Польская революция положила конец всем реформам», а значение судебной и земской реформ «сократили» [Кропоткин: 186, 191]. В Петербурге и Москве молодые люди осознали уже в 1862 г., что правительство боится просвещенных людей. Александр Кропоткин сообщал Петру в письме 7 сентября 1862 г., что в Москве идут аресты: «Здесь только аресты да аресты... Придешь в дом Сазонова к товарищам: что нового?... Тот-то взят, тот-то тоже – и так безостановочно. Лучших людей перехватывали. На кого ж надеяться? Страшно видеть вокруг этот произвол» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 47]. Александр Кропоткин потерял веру в реформы: «...ждут манифеста, ждут реформ. Я не жду. Если и будет что – так пустое: от извергов не идет добро» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 47]. Аресты ожесточали молодежь, терявшую надежду на преобразования.

«Волна реакции» докатилась в 1863 г. и до Восточной Сибири [Кропоткин: 186], свидетельствовал Кропоткин. Она проявилась в отставках про-

свещенных деятелей, прежде всего губернатора Забайкальского края Кукеля, в 1863 г. его перевели в Иркутск. Отставка Кукеля была осуществлена таким образом, что можно было ждать и заключения его в камеру Петропавловской крепости: без объяснения причин требовали оставить Читку и ждать дальнейших распоряжений. Только «энергичное заступничество» графа Муравьева-Амурского, лично просившего императора пощадить Кукеля, помогло последнему избежать ареста и последующего наказания за полученное от М.А. Бакунина письмо. «Ни с того ни с сего пришло ему предписание немедленно выехать в Иркутск и дожидаться там дальнейших распоряжений. На место его назначен другой. Корсаков ничего не пишет – он не вернется, все это как снег на голову. Ясно – предписание от высшего начальства, а не от Корсакова» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 79]. Кропоткин понимал, что Кукель был уволен по доносу. Процветание доноительства не соответствовало политике либеральных реформ. «По доносу все делается. Вот каковы дела. Еще и еще согое подтверждение “либеральности реформ”. И после этого возможны ли “мирные реформы”? Эти слова стали для меня так же противны, как тебе когда-то слово “практичность”», писал Петр Кропоткин брату 8 февраля 1863 г. [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 80]. Кропоткин понял, что намерения императора и его министров не настолько либеральны, как об этом говорили.

Кропоткин разочаровался в политике Александра II, поскольку власть отстранила Кукеля от подготовки реформ. В Чите к Кукелю относились с огромным уважением, его жалели, многие провожали его провожать. «Жаль Кукеля. Я с ним расстался, как с очень близким человеком... Его поехало провожать до 1-й станции (за 40 верст) чуть ли не все “общество” – троек более десяти или пятнадцати. Надо видеть, как все озадачены. <...> У всех такие грустные лица, это хоть несколько охарактеризует тебе этого человека» [Петр и Александр Кропоткины 1933а: 80]. Кропоткин назвал репрессии в отношении Кукеля «похоронами целой эпохи» [Кропоткин: 192]. Он считал, что центральная власть, до сих пор покровительствовавшая Кукелю, ранее не обращавшая внимание на доносы о его интересе к идеям Герцена, лишила его губернаторского поста, не желая форсировать решение реформаторских задач и опасаясь восстаний. В 1863 г. из Петербурга, как понял Кропоткин, приказали «не предлагать никаких перемен, а предоставить делам идти по заведенному порядку» [Кропоткин: 206]. Кропоткин сознавал, что центральная власть приказала местной администрации жить на основе ранее заведенного порядка. Для себя Кропоткин решил, что если «с реформами покончено», то в Чите ему делать нечего. Он принял предложение поехать со сплавом на Амур [Кропоткин: 195].

Министерства не приняли во внимание труд реформаторов из Читы: проекты не были изучены: «Там наши проекты и покоятся по сию пору...» [Кропоткин: 192]. Кропоткин полагал, что аналогичной была судьба сотен «других подобных записок, поданных со всех концов России» [Кропоткин: 192–193]. Новые суды в Забайкальском крае открыли спустя два десятилетия, а система ссылки и тюрем осталась прежней. «...Через много лет правительство вводит в Сибири новые суды и пародию на самоуправление...», – резюмировал Кропоткин уже в воспоминаниях итоги сворачивания реформ в этом районе [Кропоткин: 193]. Результаты не соответствовали замыслу просвещенных деятелей, делал вывод Кропоткин.

Таким образом, Кропоткин, оценивая эпоху конца 1850-х – начала 1860-х гг., выявлял в политике Александра II дихотомию «либерализма» и «реакции». В риторике Кропоткина «либерализм» в России на рубеже этих десятилетий проявлялся в подготовке и проведении реформ, освобождении крестьян, расширении свободы личности и слова, в назначении на должности сторонников инноваций. По мнению Кропоткина, реакционная тенденция, набиравшая силу с 1862–1863 гг., заключалась в увольнении либерально мыслящих людей, арестах, ужесточении цензуры, укреплении самодержавия. Кропоткин представлял себе исторический процесс динамичным, меняющимся в зависимости от влияния разных факторов, в том числе личностного. В его представлении Александр II смог решиться только на преобразования, не ограничивавшие его власть, император не желал менять политическую систему, поэтому неизбежно в управленческие структуры должны были вернуться консерваторы, стремившиеся к свертыванию реформ.

Кропоткину удалось показать, что личностный фактор играл большую роль и в преобразовании Восточной Сибири. Инновации в начале 1860-х гг. в Восточной Сибири поддерживали просвещенные губернаторы, молодые, отлично образованные, либерально мыслящие офицеры и местные энтузиасты, отдававшие время и силы подготовке и проведению реформ в своем крае, думавшие не о карьере, а о благополучии общества. К их числу он относил и себя. Кропоткин полагал, что просвещенные офицеры и чиновники в Восточной Сибири были реальной силой преобразовательного процесса, влияли на его динамику и результаты, вовлекали в него общественность. По его мнению, в Восточной Сибири определилась тенденция к взаимодействию губернской администрации и инициативных представителей общества. Формой их совместной работы стал комитет по разработке проекта самоуправления. С точки зрения Кропоткина, было важно, что в Восточной Сибири формировались группы заинтересованных в реформах людей, которые брали на себя ответственность за преобразования на местах. Замедление

преобразований Кропоткин связывал с возвращением к власти уже в первой половине 1860-х гг. консерваторов.

Кропоткин в начале 1860-х гг. оценивал политику центральной власти и губернских чиновников Восточной Сибири в контексте либеральных идей, будучи уверенным в том, что стране нужны новые административные и социальные институты, ориентированные на интересы личности и общества.

Список литературы

- Артемов В.М.* Приоритет нравственно-философского измерения свободы в трудах П.А. Кропоткина: опыт теоретической реконструкции в контексте стратегии этизации современного права // *Этика П.А. Кропоткина и проблема соотношения нравственности и права: сб. науч. трудов по материалам межрегионал. науч. конф.; 25–26, 30 сентября 2015 г. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2016. С. 155–160.*
- Дневник П.А. Кропоткина. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 294 с.*
- Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1861. Т. 48. 292 с.*
- Кропоткин П.А.* Записки революционера. М.: Московский рабочий, 1988. 544 с.
- Маркин В.А.* Кропоткин. М.: Молодая гвардия, 2009. 333 с.
- Маркин В.А.* Неизвестный Кропоткин. М.: Олма-Пресс, 2002. 104 с.
- Петр и Александр Кропоткины.* Переписка. М., Л.: Academia, 1933. Т. 1. 1857–1862. 287 с.
- Петр и Александр Кропоткины.* Переписка. М., Л.: Academia, 1933а. Т. 2. 1862–1871. 278 с.
- Пирумова Н.М.* Петр Алексеевич Кропоткин. М.: Наука, 1972. 223 с.
- Прядкина А.К.* Взгляды П.А. Кропоткина на законодательное развитие России // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако. Материалы II Междунар. науч. конф. Тамбов, 2018. С. 85–88.
- Пустарнаков В.Ф.* Познавательное и ценностное в мировоззрении молодого Петра Кропоткина // Труды Комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. М., 1992. Вып. 1. С. 47–68.
- Сайтанов С.В.* Становление П.А. Кропоткина как русского ученого-интеллигента в период доанархического реформизма (1842–1876) // Интеллигенция и мир. Иваново. 2011. № 4. С. 93–111.
- Сафронов О.С.* Проблемы эволюции общества и государства в идеологии русского анархизма (М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин): автореф. дис. ... док. ист. наук. Тамбов, 2015. 44 с.
- Сафронов О.С.* История России XVII–XIX вв. в трактовке П.А. Кропоткина // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356 (март). С. 95–101.
- Твардовская В.А.* Петр Кропоткин – мечтатель и идеалист // Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Моск. рабочий, 1988. С. 2–34.

Ударцев С.Ф. Кропоткин. М.: Юрид. лит., 1989. 144 с.

Ударцев С.Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. М.: Высшая школа права, изд-во «Форум», 1994. 382 с.

Чикаева Т.А. Соотнесение идей П.А. Кропоткина о праве и справедливости с русским национальным правосознанием // Этика П.А. Кропоткина и проблема соотношения нравственности и права: сб. науч. трудов по материалам межрегионал. науч. конф.; 25–26, 30 сентября 2015 г. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2016. С. 159–165.

References

Artemov V.M. *Prioritet npravstvenno-filosofskogo izmereniia svobody v trudakh P.A. Kropotkina: opyt teoreticheskoi rekonstruktsii v kontekste strategii etizatsii sovremennogo prava. Etika P.A. Kropotkina i problema sootnosheniia npravstvennosti i prava: sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhregional'noi nauchnoi konferentsii; 25–26, 30 sentiabria 2015* [The priority of the moral and philosophical dimension of freedom in the works of P.A. Kropotkina: the experience of theoretical reconstruction in the context of the strategy of ethizing modern law. Ethics of P.A. Kropotkin and the problem of the relationship between morality and law: a collection of scientific papers based on the materials of the interregional scientific conference; 25–26, 30 September 2015]. Moscow, Publishing Center of the O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy Publ.), 2016, pp. 155–160. (In Russ.)

Dnevnik P.A. Kropotkina [P.A.'s diary Kropotkin]. Moscow, Gosizdat Publ., 1923, 294 p. (In Russ.)

Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del [Journal of the Ministry of the Interior]. Saint Petersburg, 1861, vol. 48, 292 p. (In Russ.)

Kropotkin P.A. *Zapiski revoliutsionera* [Revolutionary notes]. Moscow, Moscow worker Publ., 1988, 544 p. (In Russ.)

Markin V.A. *Kropotkin* [Kropotkin]. Moscow, Young guard Publ., 2009, 333 p. (In Russ.)

Markin V.A. *Neizvestnyi Kropotkin* [Unknown Kropotkin]. Moscow, Olma-Press Publ., 2002, 104 p. (In Russ.)

Petr i Aleksandr Kropotkiny. *Perepiska* [Correspondence]. Moscow, Saint Petersburg, Academia Publ., 1933, vol. 1, 1857–1862, 287 p. (In Russ.)

Petr i Aleksandr Kropotkiny. *Perepiska* [Correspondence]. Moscow, Saint Petersburg, Academia Publ., 1933, vol. 2, 1862–1871, 278 p. (In Russ.)

Pirumova N.M. *Petr Alekseevich Kropotkin* [Petr Alekseevich Kropotkin]. Moscow, Science Publ., 1972, 223 p. (In Russ.)

Priadkina A.K. *Vzgliady P.A. Kropotkina na zakonodatel'noe razvitie Rossii: Tambovskie*

pravovye chteniia imeni F.N. Plevako [The views of P.A. Kropotkin on the legislative development of Russia. Tambov Legal Readings named after F.N. Plevako]: *materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [materials of the II International Scientific Conference]. Tambov, 2018, pp. 85–88. (In Russ.)

Pustarnakov V.F. *Poznavatel'noe i tsennostnoe v mirovozzrenii molodogo Petra Kropotkina: trudy Komissii po nauchnomu naslediiu P.A. Kropotkina* [Proceedings of the Commission on the Scientific Heritage of P.A. Kropotkin: Cognitive and value-based in the worldview of the young Peter Kropotkin]. Moscow, 1992, vol. 1, pp. 47–68. (In Russ.)

Saitanov S.V. *Stanovlenie P.A. Kropotkina kak russkogo uchenogo-intelligenta v period doanarkhicheskogo reformizma (1842–1876)* [The formation of P.A. Kropotkin as a Russian scientist and intellectual in the period of pre-anarchist reformism (1842–1876)]. *Intelligentsiia i mir* [Intellectuals and the world]. Ivanovo, 2011, № 4, pp. 93–111. (In Russ.)

Safronov O.S. *Problemy evoliutsii obshchestva i gosudarstva v ideologii russkogo anarkhizma (M.A. Bakunin i P.A. Kropotkin): avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk* [Problems of the evolution of society and the state in the ideology of Russian anarchism (M.A. Bakunin and P.A. Kropotkin): author. dis. ... doc. ist. Sciences]. Tambov, 2015, 44 p. (In Russ.)

Safronov O.S. *Istoriia Rossii XVII–XIX vv. v traktovke P.A. Kropotkina* [History of Russia XVII–XIX centuries. in the interpretation of P.A. Kropotkin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 2012, № 356 (March), pp. 95–101. (In Russ.)

Tvardovskaia V.A. *Petr Kropotkin – mechtatel' i idealist* [Petr Kropotkin is a dreamer and idealist]. *Kropotkin P.A. Zapiski revoliutsionera* [Kropotkin P.A. Notes of a revolutionary]. Moscow, Moscow working Publ., 1988, pp. 2–34. (In Russ.)

Udartsev S.F. *Kropotkin* [Kropotkin]. Moscow, Legal literature Publ., 1989, 144 p. (In Russ.)

Udartsev S.F. *Politicheskaiia i pravovaia teoriia anarkhizma v Rossii: istoriia i sovremennost'* [Political and legal theory of anarchism in Russia: history and modernity]. Moscow, Vysshiaia shkola prava, Forum Publ., 1994, 382 p. (In Russ.)

Chikaeva T.A. *Sootnesenie idei P.A. Kropotkina o prave i spravedlivosti s russkim natsional'nym pravosoznaniem* [Correlation of P.A. Kropotkin about law and justice with Russian national legal awareness]. *Etika P.A. Kropotkina i problema sootnosheniia npravstvennosti i prava: sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhregional'noi nauchnoi konferentsii; 25–26, 30 sentiabria 2015 g.* [Ethics P.A. Kropotkin and the problem of the relationship between morality and law: a collection of scientific papers based on the materials of the interregional scientific conference on September; 25–26, 30 September 2015]. Moscow, Publishing Center of the O.E. Kutafina, (Moscow State Law Academy Publ.), 2016, pp. 159–165. (In Russ.)